

«ДОСТИГНУТЬ СМЫСЛА И СГОРЕТЬ...». БОРИС ПОПЛАВСКИЙ — КРИТИК И МЫСЛИТЕЛЬ (НА ПОДСТУПАХ К ТЕМЕ)

© 2024 г. М. Цимборска-Лебода

Аннотация: Предметом анализа, осуществленного в работе, стали критические статьи и эго-документы (письма, дневники) Б. Поплавского, отражившие его экзистенциальный «парижский опыт». Целью исследования было выявить их семантическое единство, основанное на топосах мышления и стиле философствования поэта. Исходным пунктом интерпретации послужила микроцитата из текста Поплавского (использованная в заглавии сообщения), отсылающая к культурной традиции (символика горения у Ницше, *диалектика русских исканий* у Зеньковского, философема смысла в заглавиях сочинений русских мыслителей). Рассмотрено семантическое поле понятий *смысл* и *достигнуть смысла* у Поплавского в их соотношении 1) с концептом бытия-в-эмиграции и пониманием эмиграции как «Нового Ковчега», начала новой личной жизни, в ее причастности к высшим ценностям — сфере Свободы и Духа; 2) с восприятием ситуации Европы и кризиса европейской культуры в «эпоху безбожья»; 3) с истолкованием христианства, фигуры кенотического Христа, с апологией «*правды-жалости*». В итоге были обнаружены точки соприкосновения мысли Поплавского с этикой Левинаса и философией Бердяева (с его рефлексией о евангельской морали, о нереализованном в христианстве, о возникновении «чистой, освобожденной духовности»).

Ключевые слова: Поплавский, смысл, эмиграция, фигура кенотического Христа, «*правда жалости*», св. Франциск, Другой, Э. Левинас, Бердяев.

Информация об авторе: Мария Цимборска-Лебода — ординарный профессор, доктор филологических наук, Университет Марии Кюри-Склодовской, площадь М. Кюри-Склодовской 5, 20-039 г. Люблин, Польша.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8666-3563>

E-mail: mcymborska-leboda@o2.pl; maria.cymborska-leboda@mail.umcs.pl

Для цитирования: Цимборска-Лебода М. «Достигнуть смысла и сгореть...» — Борис Поплавский критик и мыслитель (на подступах к теме) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 507–521. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-507-521>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

“ACHIEVE MEANING AND BURN OUT...” — BORIS POPLAVSKII, CRITIC AND THINKER (AN APPROACH TO THE PROBLEM)

© 2024. Maria Cymborska-Leboda

Abstract: The present article has outgrown of analysis of Boris Poplavskii's critical texts, as well as his letters and Diaries, reflecting his “Paris experience”. The aim of the analysis is to consider their semantic unity, based on *topoi* of the poet's thinking and his philosophical style. As the point of the departure for interpretation there serves a short citation from Poplavskii's text (appearing in the title of the present article), which sends one thinking of cultural tradition (Nietzsche's symbolism of burning, Zen'kovskii's dialectics of Russian pursuits, the philosophy of sense in the titles of works by Russian thinkers). The article discusses the semantic field of the notions of *sense* and *arriving at sense* as they appear in Poplavskii's writings in their relation to 1) the concept of being-in-emigration and viewing the emigration as a kind of a “new Noah's ark,” the beginning of a new *personal life* in its communion with higher values, the sphere of Freedom and Spirit; 2) the perception of the situation of Europe and the crisis of European culture in “the epoch of the absence of God”; 3) perception of Christianity, the figure of the kenotic Christ, with apology of the “truth of pity.” The results of the analysis make it possible to point to some similarities between Poplavskii's thought and the ethics of Emmanuel Levinas as well as the philosophy of Nikolai Berdiaev (reflections on evangelical morality, of what remained unrealized in Christianity, of the emergence of “pure liberated spirituality”).

Keywords: Boris Poplavskii, sense, emigration, the figure of the kenotic Christ, “truth of pity”, Saint Francis, the Other, Emmanuel Levinas, Nikolai Berdiaev

Information about the author: Maria Cymborska-Leboda, DSc in Humanities, professor. Maria Curie-Skłodowska University, 5 M. Curie-Skłodowskiej Square, 20-031 Lublin, Poland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8666-3563>

E-mail: mcymborska-leboda@o2.pl; maria.cymborska-leboda@mail.umcs.pl

For citation: Cymborska-Leboda M. “Achieve meaning and burn out...’ — Boris Poplavskii, Critic and Thinker (an Approache to the Problem).” *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 507–521. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-507-521>

«(...) мы, русские, стали лицом к лицу
с основной болезнью мира».

В. Зеньковский [22, с. 499]

«Путь мысли входит в путь жизни (...)».

Н. Бердяев, Б. Вышеславцев [21, с. 8]

В блестящем предисловии ко второму тому Собрания сочинений Георгия Адамовича Олег Коростелев приводит слова Архиепископа Иоанна (Шаховского): «Адамович — мыслитель камерный и все камерное у него хорошо» [4, с. 12]. Статья Олега Анатольевича и процитированные слова стали для меня отправной точкой¹ в постановке вопроса о том, каким мыслителем был Борис Поплавский, отмечавший в своем дневнике (2 января 1933 г.): «моя жизнь <...> — это и Россия, и эмиграция, и Адамович» [27, с. 334]. Камерным ли и несомненно значащим, как «центральная фигура поколения молодых эмигрантских писателей» в Париже, по выражению Леонида Ливака [11, р. 606]? Если так, то в каком жанре и стиле выразилось его философствующее мышление, только ли в «дневниковой лите-

---

¹ Настоящий текст задуман как первая часть серии статей о Поплавском: две работы в форме докладов (*Борис Поплавский «книжник», Борис Поплавский и «Числа»*) были представлены на международных конференциях по эмиграции в университете города Будапешта. Первая из них вскоре появится в печати. Выделения в статье мои (М.Ц.Л.), кроме оговоренных случаев. Перевод иноязычных текстов на русский язык мой (М.Ц.Л.).

ратуре» (его слова) или также в литературной критике. Цель этой статьи — сделать исходным пунктом рассуждений тезис, ради его верификации, о взаимосвязи и органическом единстве литературной критики поэта и его «автобиографической прозы», т. е. дневников, как эго-документа, в котором отразилась субъектность автора, «трансцендирующая себя» [17, с. 50]. Эта взаимосвязь — тематическая и мировоззренческая, определяется присутствием «общих мест» (τοpoi), общей или похожей оценочной позицией.

Переходя к существу вопроса, остановим внимание на привлеченной в заглавии этого сообщения микроцитате из статьи Поплавского 1931 г.: «Важно достигнуть смысла и *сгореть*, отсыять в нем» [27, с. 31]. Формула, чуть ли не афористичная, вызывающая ассоциации с известными словами Заратустры², вплетенная в рассуждения о России и эмиграции, созвучна с высказыванием В. Зеньковского, отметившего в связи с книгой Варшавского «Незамеченное поколение» его неосознанность «диалектики русских исканий» [22, с. 499]; формула многозначна и примечательна в нескольких аспектах. Во-первых, она выражает герменевтическую интенцию автора и приобретает методологическую пригодность для понимания смыслонаправленности всего творчества Поплавского, а также его жизни, назначенной творческим устремлением. Во-вторых, она примечательна из-за ассоциативного потенциала, который содержит (своеобразного *déjà lu*, *уже читанного* — Ролана Барта) и который определяет качество мысли Поплавского, «книжника» (каким он сам себя называл), сознающего важность преемственности культурной традиции. Какой именно? Думается такой, в которой особое значение уже на уровне заглавия имеет ключевое слово *смысл*, а именно у Соловьева — *Смысл любви*, у Трубецкого — *Смысл жизни*, у Бердяева — *Смысл творчества* и *Смысл истории*. Позволяет ли это поместить Поплавского в ряду мыслителей, по выражению Николая Лосского [24], «преемников Соловьева» — это другой вопрос. Непосредственно, конечно, нет, но если учесть присущие поэту «поиски смысла» и причастность «мистической метафизике» русской литературы [25, с. 27], то это, в определенной мере, так. Однако для нас важно другое: подчеркнуть в качестве «связывающего момен-

---

² Существенны также ассоциации и аналогии с рефлексией, выраженной в «Дневниках», напр. о ситуации, когда «загорится Христовый зон» и уничтожится страх [27, с. 292]. Ср. со словами поэта 1933 г.: «Христос есть огонь, в котором следует *сгореть*, чтобы не сгореть в огне Конца» [27, с. 293]. Ср. также: «Смысл этой тайны <о жизни человека — М. Ц.-Л.> в Христе...» [27, с. 292].

та» то свойство мысли и мировоззрения Поплавского, которое его соединяет с русской культурой, с русской философской традицией — а именно ее не теоретический, а практический характер «в высоком смысле этого слова» (что подчеркивали Лосский, Семен Франк и др.). Тут дело не только в понимании мира, но и в определенной степени в его улучшении путем внедрения блага. При такой перспективе «достигнуть смысла» означает осуществить смысл (ведь и Соловьев говорил об осуществлении смысла любви на деле, так сказать, «в поступке») и созвучно словам, приведенным в эпитафии: «Путь мысли входит в путь жизни <...>», — что в целом предполагает творческую активность человека, *смыслотворчество*. Привлечем еще одну ассоциацию — важную для понимания Поплавского, отсылающую к западноевропейской мысли, касательно концептуализации смысла и смыслонаправленности у Эммануэля Левинаса, вдохновителем которого был, как и для Поплавского, Достоевский. По его словам: «Смысл есть литургическая ориентация Творчества», у его основания — **желание высшей ценности**, устремленность к Иному, к «миру не для себя» [32, р. 48; 23, с. 164; 33]³.

Согласно Левинасу, смыслонаправленность, диктуемая желанием, раскрывается как Благо, как доброта, у Поплавского же — как христианская «правда жалости». Поэтому «достигнуть смысла» в разумении поэта означает «достигнуть христианства», о чем далее, и — в первую очередь — **осуществить смысл эмиграции**. Дискурс Поплавского об эмиграции отличается многослойностью и многозначностью; на первый взгляд, кажется, что он перекликается с рефлексией Зеньковского, Федотова, Бердяева, — статьей *Духовные задачи эмиграции* и т. д. В сущности же, тут дело более сложное. Поэт не повторяет Бердяева или Зеньковского хотя бы потому, что он «православный западник» (Бердяев же, напомним этот факт, ставит вопрос: «Православный ли я? В русской Церкви ли я?» [8]; Зеньковского же западником назвать нельзя). Концепт эмиграции — и смысла эмиграции — у Поплавского вскрывает онтологическое и аксиологическое значение. Прежде всего поэт отделяет эмиграцию от «эмигрантщины» и от всего, что выходит за пределы его иерархии ценностей и связано с привычкой «мыслить по-будничному»

---

³ См. в оригинале: «Le sens comme orientation liturgique de l'Oeuvre ne procède pas du besoin»; и в переводе: «Литургическая смыслонаправленность Дела проистекает не из потребности» [23, с. 164]. См. также концептуализацию смысла у Колаковского [30, s. 135], отмечавшего, что «смысл относится к своего рода человеческой духовной реальности», и что Дух «наделен смыслом».

[27, с. 161]. Поэтому в его восприятии «возникновение эмиграции подобно сотворению мира», как он пишет в статье «О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции» и далее: «Из соседства с Богом, с Россией, с культурой — во тьму внешнюю. Если оттуда к Богу, то бескорыстно, бесплатно, безнадежно — свободно. Может быть Париж — Новый Ковчег для России. Зерно ее будущей мистической жизни, Малый Свет, который появляется на самой высокой вершине души <...>» [27, с. 47].

Эпистемологические метафоры — сотворения мира, Нового Ковчега, Нового Света и зерна — в дискурсе Поплавского депонируют символическое значение. Поэт говорит о миссии устройства нового бытия, порождающего, словно из зерна⁴, мистическую жизнь, которую должно достигнуть силою и энергией поколения молодых эмигрантов, храбрых «бедных рыцарей», как он их называет [27, с. 50]. **Фигура «бедных рыцарей»** и «сон о рыцаре» [27, с. 29] у Поплавского чреваты архетипическим и реминисцентным значениями, отсылая к «Бедному рыцарю» Елены Гуро (скорее к Гуро, чем к Пушкину), к «Новому Средневековью» Бердяева, к его «Смыслу истории», где образ рыцаря связывается с категорией высоты человеческой личности [19, с. 144–145], а также к «Смыслу творчества», где тематизируется возрождение нового рыцарства и рыцарской «морали ценности» [20, с. 301].

Вот как ее пророческий смысл определяет Поплавский: «Они, бедные рыцари, уже на заре и по ту сторону боли. Кажется мне, *в идеале*⁵, это и есть парижская мистическая школа» [27, с. 50]. Лексему «в идеале» стоит выделить: Поплавский различает внешнее, будничное (определяемое словом «клюква») и внутреннее, глубинное в эмиграции: данность и провиденциальную заданность. Он «прочитывает» эмиграцию через инициатическую схему «смерти» (очищения) — рождения нового мира: отсюда судьбу «бедных рыцарей» он связывает уже с иным мистическим зоном «самораскрытия духа» [27, с. 49], с идеей братства и духовного товарищества, возникновения новых рыцарских орденов [27, с. 60]. Жизнь духа и

---

⁴ В этом плане мышление Поплавского стоит в оппозиции к тем представителям русской эмиграции, которые, как, например, Владимир Познер, считали пребывание в эмиграции для покинувшего родину писателя своеобразной смертью. С этой идеологической позицией Поплавский не соглашается; эту позицию в дебатах в Le Studio Franco-Russe оспаривает также французский философ Жан Максанс [31, р. 1, 15, 112–113].

⁵ Здесь и далее курсив мой — М. Ц.-Л.

свобода каждого человека, как чуда, тайны творения и «абсолюта боли» [27, с. 13], противопоставляемые рабству и массовому обезличиванию, суть для Поплавского высшие ценности. В его дискурсе они соотносятся с идеей «Личной Жизни с большой буквы» и «правдой жалости» [27, с. 12, 324]. Последняя мыслится как противоядие «антихристианской морали, разрешающей насилие», грязи и гадости большевистской жестокости, и означает, что нельзя перейти через «единую человеческую слезу», «что одна отдавленная заячья лапа важнее Лувра и Пропилеев» [27, с. 49, 118].

В итоге истолкование и осмысление эмиграции в ее аксиологическом плане соотносится в мышлении Поплавского не только с топикой классической русской и «эмигрировавшей» литературы [27, с. 64, 113], с темой погибшей России и большевизма, с возникновением Новой России, для которой в изгнании выковываются кадры, но также с ситуацией Европы, т. е. с кризисом европейской культуры и христианских ценностей в «эпоху безбожья» [26, с. 81], секуляризации и дехристианизации, которые в условиях зарубежья диагностировали Зеньковский, Бердяев, Вяч. Иванов и др. [7], а кроме того, французские католические мыслители, в том числе печатавшийся в журнале «Путь» Жак Маритен, который в книге “*Primauté du spirituel*” писал о возможности научиться от братьев-славян «подлинной христианской духовности» [34, р. 160].

Мысль Поплавского, с одной стороны, вписывается в русло существующих мнений и оценок кризиса Европы и европейской культуры⁶, с другой же, в ней проявляется позиция более активная, «пифически, пророчески импульсивная» [27, с. 112], предвидящая «бесповоротную гибель». Отсюда призыв: следует «всеми силами будить, трясти и даже мучить Европу», как свою «новую родину», чтобы она очнулась, «освежилась бы моралью <...> возвратила бы себе любовь обездоленных» [27, с. 119]. В противоположном случае, когда «замороженная» Европа (о замороченности и параличе сознания писал в то время Вяч. Иванов [7]) «не услышит», «не проснется», Поплавский предлагает выход, отражающий его облик христианского мыслителя, ориентирующего свое мышление на любопытные, с точки зрения православного человека, архетипические образы. В этом плане заслуживает внимания следующая цитата: «Тогда по-

---

⁶ Они особенно сильно прозвучали на последнем заседании Le Studio Franco-Russe в выступлении (Avant-propos) де Фогта (V. de Vogt), который говорил о «религиозном кризисе» и кризисе «первичного христианства» [31, р. 521]. Приметы кризиса культуры на Западе (во Франции) отмечал также Г. Адамович [15, с. 521; 3, с. 156].

ручим свое сердце благословенной госпоже **святой бедности**, невесте св. Франциска Ассизского и Серафима Саровского — и временно уйдем в свое апокалипсическое искусство», чтобы затем «вывести вновь на свет наше абсолютное утверждение Свободы и Духа» [27, с. 119].

Слова знаменательные, выражающие суть аксиологии Поплавского, топосы его мышления: Дух — свобода — святая бедность, или муки святости, т. е. все то, к чему относится формула «достигнуть смысла», ибо в его толковании она означает также и прежде всего «достигнуть христианства».

В письме Иваску поэт отмечает, что он не «церковник» и не «повец» [27, с. 482], в письме Зданевичу — что он **христианин** [27, с. 469]. Стоит поэтому задаться вопросом, что значило для Поплавского «быть христианином» и что подразумевает само понятие «христианин»? Ответим словами философа Поля Рикера, высказанными в конце жизни: «Христианин есть тот, кто провозглашает первичную принадлежность к жизни, к словам и смерти Иисуса» [35, s. 110]. Такую принадлежность и близость Христу и Богу, который «никогда человека не предаст» [27, с. 346], Поплавский акцентирует и в своих статьях, и в дневниковых записях. Не случайно архетипический образ Франциска Ассизского в вышеприведенной цитате — это в его восприятии «благословенный ученик и подобие Иисуса», ученик, дороживший Его именем [27, с. 117].

Принадлежность Поплавского к христианской культурной традиции несомненна, чему свидетельством не только переписка поэта, но также остальное творчество, где декларируется связь с первым и подлинным христианином, каким по определению Кьеркегора [29, s. 116], которого Поплавский читал [27, с. 139], был Иисус Христос. В Дневнике 1932 г., эксплицируя свое понимание личности, отсылающее к Евангелию, Поплавский объясняет, кому и почему Иисус является «братом», связывая Его с «альфой и омегой» жизни и литературы — болью и жалостью [27, с. 338, 481]. В этом смысле это, конечно, кенотический Христос (см. Послание апостола Павла к филиппийцам 2:7), кому нужно было испытать все человеческое (в том числе страдание богооставленности), ибо, как отмечает Габриэль Марсель, для этого были метафизические основания [26, с. 81]⁷. Поплавский, видимо, сознавал это, отсюда свое последнее письмо

---

⁷ См. о фигуре кенотического Христа интерпретацию Х. Бальтазара [28, s. 28] и О. Клемана [2, с. 177], а также истолкование отношения Поплавского к этому концепту в комментариях к 3 тому его сочинений [1, с. 570–572].

к Иваску 1932 г. он подписывает «нищий во Христе Борис Поплавский» [27, с. 485]. В дневнике же 1932 г. (январь) объясняет свою мировоззренческую установку, свое «бесстыдство», как бы сказал Адамович [4]:

Но главное не стыдись рассказать о своих поисках Иисуса, как это что-то позорное. Сладенькое толстовство хихикает, гностический гном Мережковский — ему подавай Христа парадного, при звоне колоколов и салютных пушек, соединенного с государством и благосклонностью к жрецам. Мы же слабого, облитого слезами ищем. Я хочу знать и знаю Иисуса бедного и распятого, и что мне до книг [27, с. 428]:

Последние слова — многократно повторяемая цитата из св. Франциска. И еще существенна запись 1930 г., содержащая концептуализацию «завета Христа, ядро которого служение людям» [27, с. 14]:

Тем оригинальнее завет Христов, что он созерцанию и молитве противопоставил жалость к людям и служение им. Не к Богу, а к страданиям человека должно быть обращено внимание христианина, и, может быть, даже нет времени молиться, а не то что философствовать, трудиться и служить надо страждущим, лечить и кормить нагих и голодных [27, с. 289].

Отсылка к Евангелию от Матфея⁸ в приведенном высказывании очевидна и знаменательна, она ассоциируется со словами уже упоминаемого Левинаса: «Когда я говорю с христианином, — пишет философ, — я цитирую всегда 25 стих от Матфея: отношение к Богу там показано как отношение к другому человеку. Это не метафора <...> В моем отношении к Другому я слышу Божественное Слово» [32, р. 120].

Поплавский, очевидно, слышит Божественное, библейское слово (есть у него рассуждения — в письме Зданевичу — о том, почему мы слышим, но не видим Бога) и желает внедрить его в жизнь, как завет любви-жалости, как **смысл христианства**. Ибо, по его мнению, христианство говорит «споря с новым Великим Инквизитором, о действительном осуществлении добра» [27, с. 65]. Добро же — это та

---

⁸ «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Матф. 25:40); «И истинно говорю вам: так как вы не сделали это одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Матф. 25:45).

ценность, которая в духе русской литературы и писателей-доброискателей, «есть любовь и солидарность людей, все сумрак и ложь, на небе и на земле и только одна точка тверда и ясна. Эта точка есть жалость и на ней стоит Христос» [27, с. 65]. И именно близость и значение такого, *явленного* Христа, а не долженствующего явиться Иисуса неизвестного, как у Мережковского [27, с. 69], Христа в качестве светильника, как у Достоевского, отмечает Поплавский. И о Его значении для жизни и культуры, для России и Европы пишет поэт, делая Его «прототипическим Символом символов» [10]. В этом смысле Христос мистически агонирует в человеке «от начала до конца дней», а через свои подобию осуществляет свой завет, как, например, через того же Франциска Ассизского, которого распятый Христос на картине Мурильо обнимает своей правой рукой, как бы делая его своим «благословенным учеником» и «рыцарем нищеты», благословляя его святое дело. И не случайно прочитывая «Улисса» Джойса как великое христианское, сакральное событие, которое «по-своему перевернет мир», Поплавский очередной раз прибегает к фигуре св. Франциска и пишет: «ибо легко приложимы к Леопольду Блюму, крещеному еврею, сборщику объявлений, слова Франциска Ассизского на смертном одре: «Я знаю Иисуса Христа, бедного и распятого, что нужды мне до книг» [27, с. 83, 312].

«Правда жалости» Франциска Ассизского («Братик мой осел»), противопоставляемая драме «холодного жестокого сердца без Христа» [27, с. 390], ведет Поплавского к вопросу о святости⁹. Ибо для него «мука святости» — это есть «мука Христа о мире и она безысходна» [27, с. 346], для человека же — «личные отношения с Богом» [27, с. 122].

«Христос и мир» — магистральная тема русской культуры, литературы и философии, от Достоевского, через Розанова, Мережковского («Земной Христос») до Бердяева. С Бердяевым Поплавского соединяет представление о потенциальном, нереализованном в христианстве (его источник — идея потенции в философии Шеллинга¹⁰) — т. е. о том, что следует осуществить.

---

⁹ Отмечая, что Поплавский был «настоящий страдалец», Бердяев писал, что он «в значительной степени есть жертва стремления к святости», по его субъективному определению, «к ложно понятой максималистской святости» [18, с. 490]. Эта цитата воспроизводится в известной книге Варшавского «Незамеченное поколение».

¹⁰ О воздействии Шеллинга на Поплавского см. в работе Семеновой [5, с. 712], Лафорга и Шеллера — у Токарева [6, с. 211–212]. Мыслительный облик и противоречивый склад мышления поэта отчасти освящен в серии работ Евы Ставиноги [12; 13; 14].

В заключение отметим еще два общих момента у обоих мыслителей. Первый момент: в «Смысле творчества» Бердяев пишет: «Все всегда считали евангельскую мораль непригодной для жизни <...>»; по Бердяеву, она лишь «изредка сверкала, точно блеск молнии, у таких избранников, как св. Франциск» [20, с. 247].

Второй общий момент: уже в эмигрантский период, в книге «Дух и реальность», Бердяев различает три ступени духовности: третья из них — это «чистая, освобожденная духовность». В связи с ней философ подвергает переосмыслению образ Христа и утверждает: «Необходимо освободить человеческий образ Христа от условной иконописности. Да, и Бог действует в мире через человека, через человеческий дух; через человека-Иисуса был слышен голос Божий и голос богочеловеческий» [16, с. 461]. Тут мы наблюдаем скорее совпадение, аналогию (аналогия не есть тождество), скорее параллель, чем воздействие. Вдохновение, думается, Поплавский-«книжник» находит у иного «рыцаря нищеты», католического писателя и отщепенца, как его называет Бердяев [9], а именно у Леона Блуа, имя которого появляется в его статьях [27, с. 59]. Однако «Поплавский и французская культура» — это объемная тема для дальнейших исследований, как и другие аспекты (вопрос о любви к ближнему) многослойной «фундаментальной антропологии» автора знаменательного стихотворения «За чтением Святого Франциска», написанного 29 января 1932 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Богословский А., Менегальдо Е. Комментарии // Поплавский Б. Собр. соч.: в 3 т. М.: Книжница; Русский путь; Согласие, 2009. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. С. 505–621.
2. Клеман О. Леон Блуа, юродивый во Христе // Вестник русского христианского движения. 2012. № 19. С. 175–186.
3. Коростелев О. Георгий Адамович о соотношениях французской и русской литературы // Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу 1920–1940. М.: Русский путь, 2007. 303 с.
4. Коростелев О. Подчиняясь не логике, но истине... («Литературные беседы» Георгия Адамовича в «Звене») // Адамович Г. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). 775 с.

5. Семенова С. Проза Бориса Поплавского // Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики до миропонимания. М.: Академический Проект; Парадигма, 2016. С. 712–743.
6. Токарев Д. “Le coeur de saints est liquide”: физиология и метафизика сердца у Бориса Поплавского // “Życie serca”. Duch-dusza-ciało i relacja Ja-Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX wieku / red. M. Cymborska-Leboda, A. Gozdek, R. Rybicka, J. Tarkowska, M. Ułanek. Lublin: Wyd. UMCS, 2012. 487 s.
7. Цимборска-Лебода М. «Забота об Аниме»: Вячеслав Иванов как соучастник диалога с современностью // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов / отв. ред. Н. Сегал-Рудник, ред., сост. Д. Сегал, А. Шишкин и др. М.: Водолей, 2021. С. 198–214.
8. Цимборска-Лебода М. Русский православный «модернизм». Николай Бердяев в споре об «ортодоксии», ереси и христианской вселенскости // *Slavia Orientalis*. 2014. № 4. С. 497–512.
9. Andreeva L. La réception en Russie d’Ernest Hello et de sa descendance spirituelle (Bloy et Huysmans). Paris: Sorbonne, 2003. 393 p.
10. Borella J. La crise du symbolisme religieux. Lausanne: L’Age d’Homme, 1990. 379 p.
11. Livak L. Introduction et List des participants // *Le Studio Franco-Russe 1929–1931* / textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. 623 p.
12. Stawinoga E. «О одиночество, ты всегда со мною...» — przekleństwo samotności jako znamię losu i twórczości Borysa Popławskiego // *Slavia Orientalis*. 2015. № 4. S. 729–744.
13. Stawinoga E. “Carewicz carstwa Montparnasse”: narkoman, czy “paryski Dionizos w porwanych spodniach”? — legenda Borysa Popławskiego // *Slavia Orientalis*. 2014. № 2. S. 235–250.
14. Stawinoga E. Dramat poety, czyli Borysa Popławskiego “zmagania z Bogiem” // *Studia Wschodniosłowiańskie*. 2016. T. 16. S. 95–107. DOI: 10.15290/sw.2016.16.07

Источники

15. Адамович Г. Собр. соч.: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928) / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. О.А. Коростелева. 784 с.
16. Бердяев Н. Дух и реальность // *Философия свободного духа*. М.: Respublika, 1994. 430 с.
17. Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Paris: YMCA-PRESS, 1939. 222 с.

18. Бердяев Н. По поводу «Дневников» Б. Поплавского // *Философия творчества, культуры и искусства*. М.: Искусство, 1994. Т. 2. 509 с.
19. Бердяев Н. *Смысл истории*. СПб.: Азбука, 2016. 252 с.
20. Бердяев Н. *Смысл творчества. Опыт оправдания человека*. Paris: YMCA-PRESS, 1991. 499 с.
21. Бердяев Н., Вышеславцев Б. Духовные задачи русской эмиграции // *Путь*. 1925. № 1. С. 8–10.
22. Зеньковский В. Собр. соч. М.: Русский путь, 2008. Т. 2: О православии и религиозной культуре / сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О. Ермашина. 524 с.
23. Левинас Э. *Время и другой. Гуманизм другого человека* / пер. А. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 265 с.
24. Лосский Н. Вл. Соловьев и его преемники в русской религиозной философии // *Путь*. 1926. № 2. С. 13–25.
25. Лосский Н. Преемники Вл. Соловьева // *Путь*. 1926. № 3. С. 14–28.
26. Марсель Г. *Опыт конкретной философии* / пер. В. Большакова и В. Визгина; ред., послесл. и примеч. В. Визгина. М.: Республика, 2004. 224 с.
27. Поплавский Б. Собр. соч.: в 3 т. М.: Русский путь; Согласие, 2009. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма / сост., коммент., подг. текста А. Богословского, Е. Менегальдо. 623 с.
28. Balthasar H.U. von. Czy Jezus nas zna? Czy my znamy Jezusa? / przeł. ks. Eligiusz Piotrowski. Kraków: Wyd. WAM, 1998. 70 s.
29. Hadot P. *Filozofia jako ćwiczenie duchowe* / przeł. P. Domański. Warszawa: Fundacja Aletheia, 2003. 351 s.
30. Kołakowski L. *Horror metaphysicus* / przeł. M. Panufnik. Kraków: Znak, 2012. 141 s.
31. Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / textes réunis et présentés par Leonid Livak. Sous la rédaction de Gervaise Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. 623 p.
32. Lévinas E. *Entre nous. Essais sur le penser -à- l'autre*. Paris: Grasset, 1991. 252 p.
33. Lévinas E. *Humanisme de l'autre homme*. Paris: Fata Morgana, 1972. 123 p.
34. Maritain J. *Primauté du spirituel*. Paris: Plon, 1927. 315 p.
35. Ricoeur P. *Życie aż do śmierci oraz Fragmenty* / przeł. A. Turczyn. Kraków: Universitas, 2008. 148 s.

REFERENCES

1. Bogoslovskii, A. and E. Menegal'do. "Kommentarii" ["Comments"]. Poplavskii, B. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols.], vol. 3: Sta-

- t'i. Dnevnik. Pis'ma [Articles. Diaries. Letters]. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., Soglasie Publ., 2009. pp. 505–621. (In Russian)
2. Clément, O. "Leon Blua, iurodivyi vo Khriste" ["Léon Bloy, Fool in Christ"]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia*, no. 19, 2012, pp. 175–186. (In Russian)
  3. Korostev, O.A. "Georgii Adamovich o sootnosheniiakh frantsuzskoi i russkoi literatury" ["Georgii Adamovich about Relationship between French and Russian Literature"]. *Russkie pisateli v Parizhe. Vzgliad na frantsuzskuiu literaturu 1920-1940*. [Russian Writers in Paris. A Look at French Literature 1920-1940]. Moscow, Russkii put' Publ, 2007, 303 p. (In Russian)
  4. Korostev, O.A. "Podchiniaias' ne logike, no istine... ('Literaturnye besedy' Georgiia Adamovicha v 'Zvene') ["Submitting not to Logic, but to the Truth... ('Literary Conversations' by Georgii Adamovich in 'Link')"]. Adamovich, G.V. *Sobranie sochinenii: v 18 t.* [Collected Works: in 18 vols.], vol. 2: Literaturnye besedy ("Zveno": 1923–1928) [Literary Conversations ("Link": 1923–1928)], ed. by O.A. Korostev. Moscow, Dmitrii Sechin Publ., 2015, pp. 5–18. (In Russian)
  5. Semenova, S. "Proza Borisa Poplavskogo" ["Prose by Boris Poplavskii"]. *Russkaia literatura XIX–XX vv.: Ot poetiki do miroponimaniia*. [Russian Literature of the 19th–20th Centuries: From Poetics to Worldview]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Paradigma Publ., 2016, pp. 712–743. (In Russian)
  6. Tokarev, D. "'Le coeur de saints est liquide': fiziologija i metafizika serdtsa u Borisa Poplavskogo" ["'Le coeur de saints est liquide': Physiology and Metaphysics of the Heart at Boris Poplavskii"]. *Życie serca. Duch-dusza-ciało i relacja Ja-Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX wieku*, ed. by M. Cymborska-Leboda, A. Gozdek, R. Rybicka, J. Tarkowska, M. Ułanek. Lublin: wyd. UMCS Publ., 2012, 487 p. (In Russian)
  7. Tsimborska-Leboda, M. "'Zabota ob Anima': Viacheslav Ivanov kak souchastnik dialoga s sovremennost'iu" ["'Caring for the Anima': Vyacheslav Ivanov as an Accomplice in the Dialogue with Modernity"]. *Zagadka modernizma: Vyacheslav Ivanov* [Vyacheslav Ivanov: The Enigma of Modernism], ed. by N. Segal-Rudnik, D. Segal, A. Shishkin and others. Moscow, Vodolei Publ., 2021, pp. 198–214. (In Russian)
  8. Tsimborska-Leboda, M. "Russkii pravoslavnyi 'modernizm'. Nikolai Berdiaev v spore ob 'ortodoksii', eresi i khristianskoi vselenskosti" ["Russian Orthodox 'Modernism'. Nikolay Berdyaev in a Dispute about 'Orthodoxy', Heresy and Christian Universality"]. *Slavia Orientalis*, vol. 4, 2014, pp. 497–511. (In Russian)
  9. Andreeva L. *La réception en Russie d'Ernest Hello et de sa descendance spirituelle (Bloy et Huysmans)*. Paris: Sorbonne, 2003. 393 p. (In French)

10. Borella J. *La crise du symbolisme religieux*. Lausanne, L'Age d'Homme Publ., 1990. 379 p. (In French)
11. Livak L. "Introduction et List des participants". *Le Studio Franco-Russe 1929–1931*, textes réunis et présentés par L. Livak, sous la rédaction de G. Tassis. Toronto, Toronto Slavic Library Publ., 2005. 623 p. (In French)
12. Stawinoga E. "‘Carewicz carstwa Montparnasse’: narkoman, czy ‘paryski Dionizos w porwanych spodniach’? — legenda Borysa Popławskiego". *Slavia Orientalis*, no. 2, 2014, s. 235–250. (In Polish)
13. Stawinoga E. "‘O odinochestvo, ty vseгда so mnoiu...’ — przekleństwo samotności jako zamię losu i twórczości Borysa Popławskiego". *Slavia Orientalis*, no. 4, 2015, s. 729–744. (In Polish)
14. Stawinoga E. "Dramat poety, czyli Borysa Popławskiego ‘zmagania z Bogiem’." *Studia Wschodniosłowiańskie*, vol. 16, 2016, s. 95–107. DOI: 10.15290/sw.2016.16.07 (In Polish)

Дата поступления статьи: 21 сентября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 29 марта 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: September 21, 2021

Approved: March 29, 2022

Date of publication: October 07, 2024